

Н.А. Бердяев о консерватизме славянофилов

В работах многих русских философов обсуждается вопрос об идейных предшественниках славянофилов. Эту проблему не мог обойти и Бердяев. Я не считаю Бердяева классиком консерватизма, потому что он в первую очередь христианский философ. Но, обсуждая идеологические вопросы, он не мог уйти от консерватизма. Самая классическая его работа, «Философия неравенства», – это письмо по поводу того, что такое консерватизм. Когда я прочитал эту работу, то увидел, что славянофилов он практически обошел. Впрочем, Бердяев пишет там о русской идее и не пишет о Пушкине, пишет о консерватизме и не говорит о Карамзине. Трудно до конца объяснить причины этого.

Я пытался понять, как он интерпретировал славянофильство, как он его вписывал в историю русской философии, в историю консервативной мысли. Тема славянофилов интересовала Бердяева. В 1908 году он пишет «Хомяков как философ». Затем через четыре года выходит его монография о Хомякове. Затем еще через четыре года очень резкая полемика с Флоренским, после выхода в 1916 году брошюры Флоренского «Около Хомякова». Бердяев оказался самым резким защитником Хомякова, буквально подняв публику против Флоренского. После этого Флоренский отказался в дальнейшем затрагивать тему славянофилов. В своей полемике Бердяев констатировал, что новейшая русская философия фактически отказывается от наследия XIX века: отказались от Владимира Соловьева, теперь очередь дошла до славянофилов.

Конечно, его статьи, где он критикует позицию Флоренского против Хомякова, трудно назвать убедительными. Он, например, пишет, зачем затрагивать тему народного суверенитета и что славянофилы отрицали религиозное обоснование монархии. То есть он говорит, что в это время, фактически на пороге революции, не следует говорить об этих проблемах. Хотя тема славянофильства, конечно, в то время была чрезвычайно актуальна. Не зря Эрн провозгласил – время славянофильствует. В эти же годы выходят и работы Гершензона, он издает несколько статей, посвященных славянофилам.

В 1911 году издается двухтомник, посвященный И.В. Киреевскому. И здесь видно, что Бердяев незримо полемизирует с Гершензоном. Гершензон выступает в данном случае как апологет Киреевского. Для него главный теоретик и идеолог славянофильства – это, безусловно, Киреевский. Бердяев же, безусловно, считает, что Хомяков. По сути, он здесь в какой-то степени соприкасается с Флоренским, который сказал: когда мы говорим о славянофильстве, мы на три четверти подразумеваем Хомякова.

Можно назвать более десяти работ Бердяева, где тема славянофильства затрагивается. Если собрать всё, что написал об этом Бердяев, – просто вы-

Попов Андрей Алексеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: popov.a-a2011@yandex.ru

брать фрагменты, – наверное, получится около двух томов. Но он обходит вопрос о том, какой вклад внесли славянофилы в развитие консерватизма.

Основоположителем славянофильского мировоззрения, безусловно, является Хомяков. Почему славянофилы не разбежались, как западники? Потому что у них была основа – их мировоззрение. Поэтому и до конца жизни Хомякова, и дальше – последний славянофил, я считаю, Иван Аксаков, – это единство славянофилов сохранилось.

Важный момент – личность Хомякова. Почему и Бердяев такое внимание ему уделяет. Когда читаешь письма, видно, что Хомяков производил на своих единомышленников неизгладимое впечатление, для них это было воплощением христианства. Они через него понимали суть христианства. Это ведь были молодые люди, и в тот период времени, когда они познакомились с Хомяковым, они не были настолько религиозными. Фактически он и сформировал суть мировоззрения славянофилов, которая вся была основана на православии.

По идеологии у славянофилов самые резкие противоречия. Бердяев их намеренно не касался. Когда в эту проблематику погрузился Зеньковский, то в конце концов он сдался и в своей «Истории русской философии» написал, что славянофильства не существует, а есть отдельные славянофилы. И построил структуру работы по персоналиям.

На чем основано отрицание Бердяевым консерватизма славянофилов? На их отрицании государства. Он говорит, что Хомяков – это апологет общества, антигосударственник. Хотя конечно, у Хомякова были довольно обтекаемые высказывания на эту тему. Другие же персоналии Бердяевым фактически не затрагиваются. Он буквально несколько раз ссылается на Самарина. Для него славянофильство – это Хомяков.

Бердяев неоднократно подчеркивает, что в идеологическом отношении это эклектика – там и демократизм, и какие-то социалистические идеи, русский социализм, и еще что-то. А вклада в консерватизм у славянофилов нет. Хотя, конечно, Бердяев консерватизмом как идеологией особо увлечен не был. Но посмотрите его монографии – они посвящены тем мыслителям, которых мы относим к консерваторам. Это и Леонтьев, и Достоевский... Других крупных монографий, посвященных другим персоналиям, у него нет.

Своеобразно Бердяев оценивает и русских мыслителей, которые внесли вклад в развитие консервативной мысли. Например, он отрицает мировоззренческий консерватизм у Победоносцева: Победоносцев не верит в людей, так же как и Ленин, он им не доверяет, считает, что их надо вести. Поэтому он мировоззренческим консерватором не является. В работе «Философия неравенства» Бердяев раскрывает понятие «мировоззренческий консерватизм» – это весьма сложное концептуальное образование. В этой книге он постоянно выстраивает антиномичность: революция, консерватизм, революция, консерватизм. Он все время рассматривает эти два понятия, он их поляризует, думаю, намеренно, как он вообще поляризует всё в русской мысли, демонстрируя, что русская мысль отличается полярностью своих оценок.

Поэтому говорить о том, что Бердяев раскрыл в своих работах славянофильство как одно из консервативных течений политической идеологии, не приходится.

Мне хотелось бы сказать, что ситуация менялась. Хомяков умирает в 1860 году, буквально в преддверии крестьянской реформы. До февраля остается три месяца. За полтора месяца до реформы умирает Константин Аксаков. И потом начинается другой исторический этап.

Почему они в 1856 году, после того как появилась «Русская беседа», выступают наиболее радикальными народническими идеологами? Потому что хотят завоевать симпатию публики. Их основные оппоненты в губернских ко-

митетах – это, как их тогда называли, плантаторы, или манчестерцы. Поэтому Кошелев, который финансировал «Русскую беседу», говорит: главное – прогресс: железные дороги, техника, механизмы – нам нужно развивать экономику. То есть он пытается привлечь молодежь, чтобы она отошла от тех журналов, от тех культовых фигур, от увлечения западными идеями. Период до 1860-х годов – это период популярных лозунгов славянофилов.

После 1861 года славянофилы понимают, что главная опасность – нигилизм. В это время обостряются отношения между Кошелевым и Иваном Аксаковым. Кошелев обвиняет Аксакова в консерватизме. Кошелев говорит, что Хомяков всегда был либералом, и мы должны проводить эту линию. Самарин, безусловно, проводит линию, близкую консервативной идеологии, причем этой позиции он держится фактически до конца, до 1876 года, когда заканчивает работу над многочисленными выпусками «Окраин России». Здесь нельзя не упомянуть и его работу – откуда и термин появляется – его полемику с Фадеевым «Революционный консерватизм».

Вообще этот период 1860-х годов – наверное, самый продуктивный в истории русской консервативной мысли. Потому что в это время публикуются и Леонтьев, и Катков, и еще ряд публицистов. В русском консерватизме появляются новые идеи. Во-первых, он становится национальным, опирается на социальную основу – русский народ. Хотя к этому славянофилы были подготовлены. Есть интересные записки у Самарина. Он пишет, что все английские тори – это западные славянофилы. Посмотрите работы Хомякова, посвященные Англии, и работы других славянофилов – ведь они почти все англومانьяки. И они переносят английскую ситуацию на Россию, говорят – вот эти виги, а мы тори, истинный прогресс в тори, а не в вигах. В политическом отношении они используют это мировоззрение. Самарин пишет: чем мы отличаемся от английских консерваторов? Социальная основа английского консерватизма – это английская аристократия, а у нас – черная изба крестьянина, вот суть, основа русского консерватизма, на что мы должны опираться. И дальше он эти идеи пытается развивать.

Хотя, конечно, заниматься политикой в России было невозможно. Фактически всех славянофилов превратили в диссидентов. Они стали одними из основоположников самиздата, потому что почти вся славянофильская литература издавалась на Западе. Здесь издать было невозможно. Хотя его за это упрекали, но Самарин даже второй том сочинений Хомякова, включающий и богословские работы, умышленно издал в Праге. Потому что здесь было сложно пройти духовную цензуру.

Наверное, нельзя сказать, что Бердяев в своих работах раскрыл идеологическую суть славянофильства. Хотя как специалист по мировоззрению славянофилов я считаю, что его монография о Хомякове 1912 года до сегодняшнего дня остается лучшей.

Б.В. Межуев. У меня вопрос провокационный. А вообще существовало ли славянофильство? Славянофильство на три четверти – это Хомяков. У Хомякова, очевидно, нет никаких последователей в русской философии, как это Флоровский сказал. Его монархические, то есть квазинароднические взгляды, явно не имели продолжения. Его взгляд на церковь сыграл какую-то роль, но нельзя сказать, что Русская православная церковь многое у него взяла. Его собственно философская система осталась разрозненной в различных записях, письмах. Его историческая концепция, его «Семирамида», вообще не имела никаких продолжений. Получается, что мыслитель, который составляет три четверти славянофильства, оказывается абсолютным одиночкой. Не кажется ли вам, что это псевдодвижение? Может быть, на самом деле оно было культом одного человека, очень яркого и талантливый, и с его смертью осталось лишь пустое имя, которое потом как-то транслировалось и сомкнулось со славянским освободительским движением?

А.А. Попов. Славянофильство – очень сложное явление. Здесь нет некоего внутреннего понятия, которое было бы главным. Конечно, личность Хомякова играет очень большую роль. Но и личность Киреевского. Не будь Киреевского, а будь там только один Хомяков... Это как Маркс и Энгельс. Я не разделяю Киреевского и Хомякова. Дискуссии идут. Можно привести точку зрения Масарика, который блестяще разбирался в русской культуре. Он ставил Киреевского выше, чем Хомякова. Единицей измерения славянофильства является мировоззрение. От этого мировоззрения русская философия никуда не уйдет. Я могу сослаться на Шпета, который говорил, что оригинальная русская философия представлена в первую очередь славянофилами. Если взять всё, что было написано славянофилами, получится три уровня. Есть исторические взгляды. Хомяков пишет «О старом и новом». Там он пишет и об олигархах – характеризует циклическое развитие России, некий период времени называет олигархическим. Он говорит, что олигархи у нас крутят законами и властью, как хотят, во имя своих интересов. В работе «О старом и новом» критики у Хомякова больше, чем у Чаа-

даева. Там можно такое собрать как эмпирический материал к «Философическим письмам»... Его русофобом можно назвать еще больше, чем Чаадаева. Конечно, здесь есть идеологические проблемы, но они абсолютны. Как сказал Киреевский, политика – это внешняя правда, внутренняя правда – это мировоззрение, просвещение. И этой проблемой они и занимались. Конечно, последователей не было. Славянофильство связано с определенным периодом.

Почему славянофильство имело такую трагическую историю? Потому что в сознании Хомякова были идеальная церковь и идеальная русская история. Он не касался реальной материи истории христианства. Он апологет начального христианского периода. Он говорит, вот надо вернуться к этому периоду. Вся последующая история, как он пишет в «Семирамиде», пошла не тем путем – мы пошли по пути развития государства, мы пошли по этому пути, будучи уверенными, что наука решит все наши проблемы, а главная наша проблема – это вражда, это агрессия. По Хомякову, люди не осознали, что суть христианства – это любовь. Поэтому мы должны вернуться к начальному периоду христианства, и Россия здесь может показать пример. Нам повезло – у нас община сохранилась, наше крестьянство идет от истоков христианства. И если мы это сохраним, то сможем дать пример миру. То есть славянофильство мы можем рассматривать как всемирный проект, проект переустройства всего человеческого бытия. Славянофилы – создатели первого такого всемирного проекта, возникшего в рамках русской философии. А последний проект создали евразийцы – больше у нас ничего подобного не было. Поэтому у нас сегодня такое оскудение. Михаил Александрович [Маслин. – *Ред.*] сказал, что у нас сейчас идеологии ни у кого нет. В этой связи вспоминается то, что писал Вяземский в записных книжках: у нас революции не может быть во имя идеи, у нас всё происходит во имя определенного лица. Поэтому славянофильство тесно связано с определенным историческим периодом. Мы всё потеряли, часто говорил Хомяков своим друзьям, лучшая из существующих стран – это Англия, а лучшая из возможных – Россия. Но она так и может остаться лучшей из возможных.

А.С. Ципко. К сожалению, я не могу так систематически излагать, как вы, всё, что Бердяев писал о славянофильстве. Меня поразила его статья «Крах русских иллюзий» (январь 1918 года). Очень жесткий текст: все идеи славянофильства, все эти учения об особой русской цивилизации – всё это ложь; ложь, что русский человек морально выше западного человека. По Бердяеву, это всё следствие духовной слабости нашей интеллигенции, нежелания сказать правду о себе, нежелания сказать правду о своем народе. А потом это у Бердяева пропадает. Все-таки в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» нет такого жесткого отношения. Это – мой первый вопрос: это настроение или за этим стоит его мировоззрение? Второй вопрос – уже как к специалисту по славянофильству. Борис [Б.В. Межуев. – *Ред.*] уже указывал на внутреннее противоречие славянофильства. Как это сочетается – Бердяев обращал на это внимание – с крайне негативным отношением к русскому народу. Он приводит цитату Хомякова: дескать, народ ленивый, пьяница. У Константина Леонтьева есть еще страшнее, когда он спорит с Достоевским: дескать, ну, как любить этот жестокий народ? Это страшный вопрос. Посмотрите внимательно тексты Данилевского, «Россия и Европа», где говорит о случае с поморами, которые убивали врачей. Он говорит, что даже поморы, более образованные, чем простой русский народ, убивали этих врачей, потому что они, дескать, английские шпионы. Как в этом мировоззрении сочеталась идеология особости России, любви к России с крайне критическим отношением к своему народу?

А.А. Попов. Бердяев о славянофилах пишет, что они основоположники народничества, с них идет традиция кающегося дворянства. И та сакрализация русского народа, который в своем сознании имеет некую правду жизни, не доступную ни дворянину, ни представителю другого сословия, Бердяев считает, идет от славянофилов, от Хомякова в первую очередь. В отношении же приведенных негативных высказываний, честно говоря, я такого не встречал...

А.С. Ципко. Так вы возьмите.

А.А. Попов. А где?

А.С. Ципко. «Крах русских иллюзий». В этом сборнике...

А.А. Попов. Это Бердяев пишет, а славянофилы так никогда не писали. Наоборот, у них такая апологетика...

А.С. Ципко. Я почти дословно процитировал Бердяева, «Русскую идею», кусок статьи, посвященной Хомякову. Константин Леонтьев – это «Падение священного царства», где он спорит с Достоевским и защищает позицию Победоносцева, показывает, что идея Достоевского, идея религиозного искания Бога, противоречит учению церкви, потому что не надо Бога искать, а надо в церковь идти.

А.А. Попов. Бердяев живет в другую эпоху. Хомяков жил в эпоху русских усадеб – никакого катастрофизма еще в сознании не было. А для Бердяева Русь представляла уже совершенно другое зрелище. Наверное, нет вообще другого течения в русской мысли, которое так апологетически относилось бы к народу, как славянофилы. При этом они резко критикуют бюрократию, их консерватизм во многом на этом и строился. То есть бюрократия искажает все здравые идеи, и если мы хотим построить государство на нравственных, религиозных основах, то должны освободить себя от этой бюрократии. Это одна из главных идей у славянофилов. Негативные же высказывания о народе у Хомякова очень умеренные. Например, он пишет, что принимаются какие-то законы, но бывает так, что от них отказываются, забывают их. И, дескать, не существует той исторической памяти, о которой мы часто рассуждаем, говоря, что народ всё знает и сохраняет правду жизни.

Еще важный момент. Когда у нас начинаются всплески консерватизма? Когда происходят какие-то события. Откуда начинаются эти славяне, как их Чадаев называет? Они же начали называть себя славянофилами только в 1847 году? Они начались от восстания декабристов. То есть нельзя идти этим путем, это путь в никуда. И главный человек, который сделал Хомякова, который до тридцати трех лет вообще ничего не писал, кроме стихотворений и

неудачных пьес, это Чаадаев. Чаадаев сказал: никакого национального спасения быть не может, только индивидуальное, потому что Русь обречена, и максимум, что она может, – дать отрицательный урок миру. Хомяков осознал, что такое сила мысли, какую роль она может сыграть. Значит, и он может сыграть такую же роль, как Чаадаев. Как пишет Валицкий, вся история славянофильства – это ответ на «Философические письма» Чаадаева.

Грановский что делал? Лекции читал. То, что мы читаем, – это конспекты студентов. Чаадаев «Апологию» начал писать, потом понял, что бесполезно, и бросил. А Хомяков, который сам себя обвинял, что страшно ленивый человек, за десять часов до смерти писал второе философское письмо Самарину. То есть он пахал всю свою жизнь и всех убеждал, ходил на все кружки московских студентов и везде доказывал, что есть христианство, что надо опираться именно на него.

А все консервативные всплески начинаются – это декабристы, это революционные события на Западе, затем нигилизм 1860-х годов. У славянофилов всё это сразу отражается в их работах – они начинают опираться на идеи консерватизма. Проблема одна – главный носитель в XIX веке всякой философской мысли, литературы, науки – это русская интеллигенция, а она изначально была настроена антигосударственно. Потому что государство всё позакрывало, загнало в кружки и в салоны. Даже среди консерваторов мы не найдем ни одного человека, который был бы настроен на то, что нужно сохранять статус-кво. Все понимали: что-то надо делать, что-то нужно переустраивать. Поэтому Герцен и писал в «Былом и думах», что уж как не были противоположны по своим взглядам Чаадаев и Хомяков, но они оба выступали против этого монстра, которым была тогда николаевская Россия. Так они считали. Сейчас мы, конечно, считаем по-другому.